

МИР ИСКУССТВА

«Русская мысль»

В преддверии выставки

Рассказывает парижская художница Ксения Кривошеина

С 29 марта по 26 апреля в Невшателе (Швейцария) будет проходить выставка живописи, скульптуры и ювелирных работ парижской художницы Ксении Кривошеиной (об одной из ее выставок «Русская мысль» уже писала в №3957 от 4 декабря 1992 г.). В преддверии выставки мы беседуем с Ксенией (так, и только именем, она подписывает свои работы) в ее парижской мастерской на одиннадцатом этаже дома в 13-м районе.

— На фоне вполне монструозного пейзажа...

— Я думаю, что чем хуже пейзаж за окном, тем лучше должно писаться. Иначе бы вышла тавтология.

— Да, наверное.
— Ксения, знакомясь с вашими вещами, прежде всего думаешь о том, что вам очень подходит старое слово «артист», в обширном, «французском» его значении. Вы — живописец, скульптор, книжный иллюстратор, декоратор, ювелир... Не очень частая в наши дни широта, скажем так, рабочего диапазона.

— Вы знаете, я вам скажу, что это, может быть, моя беда. Только, может быть, сейчас, к своим пятидесяти годам я начинаю понимать и обретать самое себя. Мне было очень трудно определить, выделить что-то одно. Но меня это страшно увлекло, и мне всегда хотелось быть самой собой в каждой из этих областей. Насколько это получалось, это уже другое дело.

— Мне в этом видится довольно редкий в наши дни художественный, точнее, творческий азарт.

— Да, да, совершенно верно. Рулетка.

— Рулетка?

— Да, русская рулетка.

— И все это при том, что вы закончили знаменитый ленинградский ЛГИТМИК. Какой, кстати, факультет?

— Театральный. Театральная декорация. Я училась у Николая Павловича Аки-

мова. Надо сказать, что он вообще ничего ничему не учил. Он приходил, садился, и все просто собирались вокруг него. Тогда я впервые поняла, что значит присутствие личности. Его просто слушали, и этого уже было достаточно. Он был настолько сильной и яркой личностью, что одно его присутствие уже формировало людей.

— А какие у вас были театральные работы?

— Ни одной!

— Почему?

— Когда я окончила этот институт, я сразу стала заниматься книжной графикой. Мой отец Игорь Ершов был в то время уже довольно известным книжным иллюстратором. Он меня включил в это дело. Он мне говорил: «У тебя такой декоративный дар (он так и сказал!), попробуй, я тебе помогу». Мы с ним сделали много книжных иллюстраций, выпустили много книг. Я даже не знаю, где я больше научилась: в институте, в Эрмитаже, в Русском музее или у отца.

— А картины уже тогда какие-то были?

— Да, я уже тогда очень много писала. Тут есть одна странная, интересная вещь: с одной стороны, мы, занимаясь с отцом детской книжной иллюстрацией, очень много внимания уделяли именно фольклорной части, а с другой стороны, у него начался очень интересный уход в современную, абстрактную живопись. Он был человеком, который всегда себя искал. И мне было очень интересно рядом с ним, поскольку он меня толкал на что-то абсолютно для меня новое, совершенно мне незнакомое. Я много занималась тогда, например, кубизмом,

просто копировала некоторые вещи, опять же по его совету. И одновременно я делала много вещей, никакого отношения не имеющих к книге. Я стала тогда лепить. Меня занимали поиски в современной, скажем так, форме, объеме. Но мне тогда казалось, что это никого особенно не интересовало.

— Поскольку вы художница-эмигрантка, то мы, к сожалению, не можем обойти и политический момент. В 1975 году вы стали членом Союза художников, а в 1980-м, после отъезда во Францию, были из него исключены. Это, разумеется, случилось автоматически?

— Да. Но никакого, строго говоря, политического момента здесь не было. Я познакомилась со своим будущим мужем в Женеве, приехала к нему во Францию и осталась здесь. Тем самым нарушив «правила возвращения назад». Это был очень сложный период, поскольку маленьким заложником оказался мой сын и ко мне его не пускали год. Так что политическим эмигрантом был пятилетний ребенок. Через некоторое время меня вызвали в консульство и попросили написать заявление о выходе из Союза художников и вернуть членский билет. Я попросила снять с него фотокопию на память. Она у меня хранится до сих пор.

— Вернемся, однако, к вашей работе. Вашу живопись определяют как «ар наив» («наивное искусство»). Как вы сами комментируете этот термин?

— Он не имеет непосредственного отношения к примитивизму. Это направление (к которому, кстати, принадлежат весьма именитые и профессиональные художники) вполне можно причислить к

реализму... К фантастическому реализму...

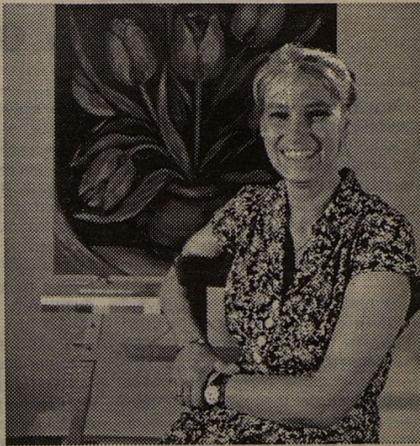
— Своеобразное сочетание: фантастический реализм.

— А почему бы и нет! Ну, к символизму... И как пишут — некоторые критики — сюрреализму. В самом буквальном значении этого слова. Я должна сказать, что попала в эту «струю» совершенно случайно. Здесь, во Франции. Возможно, это явилось продолжением моих иллюстраций...

— Да, это чувствуется по вашей живописи.

— В ней несомненно присутствует иллюстративный, декоративный момент. Когда я оказалась на Западе, я пыталась продолжить свою деятельность как иллюстратора. Это не получилось. Не знаю, почему, ведь еще до выезда во Францию мои книги издавались во «Фламарионе», «Галлимаре» и т.д. Ну, не получилось так не получилось.

Я стала писать картины. И показала их Дине Верни. Она посмотрела и сказала, что мне нужно пойти в такие-то галереи. И там стали выставлять мои вещи. Была ли это случайность или закономерность, я не знаю. Затем мне повезло встретиться с Пьером Генеганом, организатором салонов «ар наив». Он привлек к этому делу очень много известных коллекционеров именно этого направления. Но затем, как это случается со всеми са-

Ксения Кривошеина.

лонами, все сошло на «монмартрский», любительско-коммерческий уровень.

— За ваше пребывание на Западе состоялось около 40 ваших выставок...

— Если считать и групповые. А персональных... С 1981 года — ежегодные.

— То есть вы обрели себя на Западе. По-моему, художникам, выехавшим из России, это удается больше, чем, например, литераторам.

— Не знаю, не знаю. Во-первых, я абсолютно не верю в везение. Только чуть-чуть. Это «обретение себя» стоит огромного напряжения, нервов, усилий. Мобилизации. Именно мобилизации своих сил. А что касается того, везет ли больше художникам, чем писателям... Живопись ведь — «немое» искусство. Но при этом замечу, что это вовсе не означает, что «немое» искусство — это искусство без границ. В живописи это еще сложнее, чем, скажем, в балете. На Западе есть свои стили. Свои стереотипы. Вам

«Русская мысль»

нужно «попасть» в какой-то из этих стилей и стереотипов: сюрреализм, абстракционизм, «наивное искусство», реализм и т.д. Вас все время стараются втиснуть в эти прокрустовы ложа. Я часто слышу, как возмущаются художники из России, что на Западе галереи диктуют свои вкусы. Да, диктуют. Но я думаю, что это отчасти даже хорошо. Потому что художник под таким диктатом иногда себя, как ни странно, находит. Если, конечно, это не становится ярлыком, клише, формулой, по которой он всю жизнь будет шарить. Тогда это несчастье. Ибо за модой уследить невозможно, она меняется каждый сезон.

Когда мои друзья-художники приезжали сюда из России, они начинали обходить всевозможные галереи, и были случаи, когда в папке, в доске лежали работы (их работы) — одна абстрактная, другая реалистическая, третья сюрреалистическая, четвертая — фовистская, ну и так далее. И в каждой галерее, в зависимости от ее профиля, он показывал ту или иную вещь. И что-то продавалось.

— Давайте коснемся этого момента. В последние год-два, посещая художественные выставки, групповые или персональные, я обратил внимание, что выставляющиеся художники получают скорее духовное, чем материальное удовлетворение от выставок. В случае живописи это особенно печально. У вас, надеюсь, это не так?

— Иногда именно так. К счастью, пока еще не на персональных моих выставках. А на групповых бывало, что ни одна моя работа не продавалась.

— А в сегодняшней российской художественной жизни вы как-то участвуете? Выставляетесь там?

— Нет. Так получилось, что нет. Я ведь приехала в 80-м году во Францию навсегда. Что называется, сжигая корабли. Мне пришлось входить целиком погружаться во французскую среду. И не только в художественную, а вообще во французскую жизнь.

Я хотела бы поделиться своими впечатлениями, точнее, тревогами от недавней поездки в Россию. Меня встревожило то, что там совершенно отсутствует рынок живописи.

— Но это объяснимо.

— Нет, речь совсем не о том, что там нет галерей. Но, судя по Петербургу и Москве, они никак не присутствуют, скажем так, в пейзаже города.

А русские художники, приезжающие на Запад, часто очень талантливые, вольно или невольно обесценивают свое искусство, продают свои вещи за бесценок. Конечно же, по понятным причинам. Но ведь все равно это обесценивание, в конечном счете, таланта. Это очень было заметно по недавнему аукциону в «Дру».

— Два слова о галерее в Невшателе, где будут выставлены ваша живопись и ювелирные изделия.

— Я не хочу называть их ювелирными изделиями. Я в это вкладываю не меньшую часть своей души, чем в живопись. Моя выставка состоится в галерее «Оранжерия», владелицей которой была Фернанда Бове. С Фернандой Бове я познакомилась в Лозанне. Она предложила мне выставиться в своей галерее, что я и сделала в прошлом году.

Но... Фернанда Бове скончалась два месяца тому назад от рака позвоночника. Эту мою выставку она готовила целый год. Я не знала, что она больна. Я узнала об этом буквально за два месяца до ее смерти.

Ее галерея была уникальна. Она, например, всегда приглашала на выставки музыкантов. Причем она поразительно умела выбирать музыку, соответствующую настроению ваших работ. И совсем незадолго до своей смерти (я это знаю от женщины, которая взяла эту галерею на себя и будет продолжать дело Фернанды Бове) она просила, чтобы на моей выставке была такая-то пианистка и чтобы она исполняла такую-то музыку...

На выставке будут мои последние картины, гуашь, мои ювелирные предметы. Кстати, то что я пишу в последнее время, стиль этих работ сформировался, вернее, был осознан мною не без влияния Фернанды. Именно она посоветовала мне искать в этом направлении...

Интервью взял
МАНУК ЖАЖОЯН

Париж